

Радзинский Эдвард
Ганиславович

4.09.02

18 роль истории в личности

Новая Газ. — 2002 — 4 сент. — с. 18.

Новый исторический роман Эдварда Радзинского «Наполеон: жизнь после смерти» выходит в издательстве «Вагриус» в дни XV Московской международной книжной ярмарки. 8 сентября в 15.00 на ВВЦ, в конференц-зале павильона № 20, неизменной штаб-квартиры ММКЯ, пройдет презентация книги.

Роман написан от лица графа де Лас-Казы — эмигрант 1791 года, он вернулся на родину после 18 брюмера, чтоб служить наполеоновской Франции. Он был членом Государственного совета во время 100 дней и последовал за своим императором на остров Святой Елены. Лас-Казу и его сыну-подростку Наполеон диктовал свои мемуары. И известная книга «Максимы и мысли узника Святой Елены» носит подзаголовок «Рукопись, найденная в бумагах Лас-Казы».

Этот фрагмент последней главы романа рекомендован читателям «Новой газеты». Эдвардом Радзинским. Глава (и книга вместе с ней) завершается словами о Наполеоне из письма Гете к Шатобриану:

«Каждый чувствует, что за его историей скрывается нечто. Только никто не знает — что...»

О своем отношении к «страннику бранному, пред кем унизились цари», «корсиканскому разбойнику», культурному герою Нового времени, Э.С. Радзинский расскажет читателям «Новой газеты» в ближайших номерах.

Остров Святой Елены. Наполеон диктует Лас-Казу и его сыну

Эдвард
РАДЗИНСКИЙ

В Париже, куда я попал спустя много лет, меня ожидали невероятные и очень упорные слухи. Впервые я услышал их в маленьком кафе напротив Люксембургского сада. За соседним столиком сидели двое: одыпивший старик явно из недовитков — старых гвардейцев императора (об этом оворило его лицо, обезображенное ужасным шрамом) и молодой господин. Старик, зираясь, шептал молодому еловеку так громко, что мне се было слышно: «Император жив... он заключил секретное соглашение с русским царем... Царь позволил ему крыться назло англичанам... На острове умер двойник...»

Эти нелепые слухи о том, что император не умер, оказались на редкость упорными, хотя все здравомыслящие люди над ними потешались. Но вскоре случилось удивительное. Однажды меня навесил мой старый друг аббат Мук, один из образованнейших людей нашего времени. И он всерьез заговорил со мной... о том же! Он сказал, что у него есть достоверные сведения, будто в Бретани крестьяне видели францисканского монаха, необычайно похожего на императора. И что маршал Мармон, постыдно предавший императора, ездил в этот монастырь и долго говорил наедине со странным монахом, а когда покидал его келью, у него на глазах были слезы.

— Не хотите ли со мной туда поехать? Вы единственный из моих добрых знакомых, кто хорошо знал императора... Я решительно ответил:

— Мой вам совет — не будьте смешным. И поговорите лучше об этом с Бертрамом, Гурго или Маршаном...

Я начал перечислять своих товарищей по заточению на острове, но аббат прервал меня: — Я уже пытался это сделать. Маршан меня не принял, граф Бертран не дал мне даже закончить мой вопрос. Он сказал, что император вполне может быть в монастыре, а также в иных самых разных местах, но... исключительно в виде духа. Ибо он лично наблюдал его кончину. И вместе с Маршаном положил его в гроб. А генерал Гурго вообще послал меня...

Гурго, и мне показалось, что он... прихвастнул.

— Значит, ехать не надо?

— Только если совсем нечего делать. Но мой совет — лучше отправиться к б...м, чем ухлопать деньги на поездку. Лжец-монах не знает...

Тут Гурго торжественно подошел к письменному столу, достал золотой медальон, открыл его и показал мне маленькую прядь волос.

— Ее сосстригли с головы умершего императора. Согласно его завещанию эти медальоны нам всем раздал Маршан. Так что император умер! Умер!

Впрочем, людям так хочется, чтобы он был жив... И поверьте, будет еще много слухов...

— А почему Маршан не передал такой медальон мне?

— Значит, вам император его не завещал. Возможно, он не так вас любил, как вам казалось, — с удовольствием ответил Гурго.

Я уже уходил, когда он вдруг спросил:

— А хотите узнать самое интересное?

Я замер в дверях.

— Вот вы, вроде, все знаете про императора. Вы издали

Э. Радзинский

знаменитую книгу. А между тем вы ни хрена о нем не знаете! Известно ли вам, дермальный биограф, что еще до вашего отъезда император мог легко бежать с острова? И я — я лично! — подготовил этот побег! — Гурго наслаждался моим изумлением. — Пока вы строчили с императором вашу книгу, к острову причалил корабль из Бразилии под португальским флагом. И мне передали письмо от офицера из моего эскадрона. Оказалось, что он и другие офицеры, эмигрировавшие в Америку после Ватерлоо, основывали там некую коммуны ветеранов Великой армии... И три брата императора — Люсьен, Жозеф и Жером — побывали у них... с бо-о-лышними деньгами! Кроме того, в Новом Орлеане жило около двадцати пяти тысяч весьма состоятельных французов, мечтавших, чтобы император стал... президентом США! И денег они не жалели! Короче, была подготовлена целая флотилия, чтобы освободить императора. В Новом Орлеане был даже отремонтирован для него дом... он до сих пор стоит там пустым... Оставалось все обсудить с императором. В это же время ему передали письмо от матери.

Она жаловалась, что ей не разрешили приехать на остров: «Я уже очень стара и мечтаю умереть около тебя...». На самом деле в письме была тайнопись — план освобождения. Корабли из Америки должны были прибыть под флагами союзников... Но вскоре после получения письма в доме появился... губернатор Лоу и объявил, что ему все известно об американской флотилии! Вокруг были выставлены вторые цепи караулов, на остров дополнительно привезли английских солдат. Но самое интересное не это...

Гурго сделал многозначительную паузу и неторопливо продолжил:

— На острове о заговоре знали только двое — я и император. Никто другой из его окружения ничего не знал. И возник вопрос: от кого узнал губернатор? Была затронута моя честь... я был в бешенстве! Кстати, к тому времени я уже последовал совету императора — «помните, он советовал мне завести любовницу? И я завел ее. Это была жена высокопоставленного офицера, весьма близкого к мерзавцу-губернатору. Она была из самой аристократической семьи, но... очень дурна собой и оттого особенно дорожила нашей связью. Так что я мог попросить ее узнать у мужа все подробности этой истории. Каково же было мое изумление, когда оказалось, что губернатору все сообщил... как вы думаете, кто? Ну отпайте!

Я добросовестно перечислил всех слуг и даже назвал графа Монтолона. Гурго посмотрел на меня с презрением и торжествующе выпалил:

— Киприани — любимец и наушник императора!.. Но дальше меня ждало куда большее удивление... Естественно, я решил немедленно убить мерзавца. Но прежде явился к императору и рассказал ему все. Он преспокойно меня выслушал и сказал... что верит Киприани, «как самому себе»! И что Киприани не мог этого сделать, а «даму попросту надул муж, который наверняка знает о вашей связи и даже рад ей!...». Через нее он и запустил нарочно эту ложь, чтобы обогатить самого верного мне человека.

«Но ведь кто-то же сообщил!... — воскликнул я. — Знали только мы с вами. Вы ходили, это... я?»

Император слушал меня со скучающим видом. Потом улыбнулся и вдруг сказал:

«А может быть... я?»

Я был в полном изумлении.

«Может быть, я приказал Киприани выдать заговор? Вы не допускаете такую возможность?»

«Но... почему, сир?!»

«Обычно я ни с кем не обсуждаю планы своих сражений. Их понимают потом... по результатам...»

«Но что я должен буду понять, сир? Что вы предпочли свободе плен на острове?»

Император засмеялся:

«Боюсь, что и в будущем вам понять это будет трудно... Конечно же, я шучу. Но виноват все-таки я... И любовная цепочка здесь и вправду замешана. Я был легкомыслен и кое-что рассказал некой даме, а она, должно быть, сболтнула своему любовнику... Я уже сделал ей суровый выговор. И забудем все!»

И тут я понял! Это была Альбина Монтолон! Недаром говорили, что у нее есть любовник в городе — английский офицер, с которым император и муж делят ее увядающие прелести. Но почему-то я долго не мог забыть его взгляд, когда он говорил: «Это я приказал Киприани!»

ИСЧЕЗНУВШАЯ БИТВА

Из романа «Наполеон: жизнь после смерти»

1809. Битва при Ваграме